

19 марта 2009

ТАЙНЫ МИАССОВО

*Страницу подготовил
Виктор СУРОДИН*

После разговора в просторной избе о житье-бытье в заповедном лесу, о работе, о хозяйстве я задал вопрос о биостанции...

— Что ж, если интересуетесь, идемте, покажу.

Лесничий кордона не спеша обулся, застегнул на все пуговицы ватник, распустил уши солдатской шапки, и мы вышли из дома. Было это поздней осенью лет десять назад. С озера тянул сырой, пронизывающий ветер и проворно отбирал у нас скопленное около жаркой русской печки тепло. По тропинке вдоль берега мы шли друг за другом, ступая по жухлой и ржавой, прибитой дождями листве. Из луж вода ушла, и лед походил на узор на стекле в оконном переплете. За высоким бурьяном справа проглядывала большая и ровная поляна с полегшей травой.

— Какой ровный покос, вот где летом с литовкой пройтись, — размечтался я вслух.

— Когда-то эту полянку обходили стороной. Это гамма-поле. — Наш провожатый остановился. — Здесь проводились исследования по воздействию радиации на растения. Вон там, ближе к центру, находился гамма-излучатель. После облучения одни растения погибали сразу, другие усыхали, некоторые мутировали, четвертые шли интенсивно в рост, а дальше росли без изменений.

Прикинул расстояние. От нас до середины поляны, где стреляла когда-то изотопами пушка, метров сто. Не очень приятное возникло ощущение. Глупо, конечно, но захотелось застегнуть молнию на курточке, натянуть шапочку на уши и поднять воротник.

— Сейчас здесь безопасно. — Он словно прочел мои намерения и стал успокаивать нас. — Нет никакой радиации. Из гражданской обороны специально приезжали и проверяли не раз. А второй излучатель был в подвале лабораторного корпуса. Там тоже все чисто. Ну что? Идем туда?

Продираясь сквозь заросли бурьяна и кустарника, мы все же стараемся поскорее оставить позади эту очень удобную для косьбы полянку. В стороне, на горке, несколько щитовых домиков, в которых жили в те годы сотрудники биостанции. От времени уже почернели доски их стен, мхом поросли крыши. Еще минут пять шагаем по лесной тропинке к лаборатории, где

полвека назад велись совершенно секретные исследования по воздействию радиации на растения и животных.

Старый дом на высоком каменном фундаменте. Хватает одного взгляда, чтобы оценить труд мастеров, поставивших его на крутом берегу. Двухэтажный рубленый бревнышко к бревнышку особняк с большими окнами, балконами, террасами. Дом одновременно притягивает и нагоняет страх. Вплотную к нему — густые и, как показалось, очень быстрые в росте заросли сирени, черемухи, липняка. Жутко оттого, что кое-где нет оконных рам и вот-вот рухнет подгнивший балкон. Ветер раскачивает вершины сосен. Как по стеклу иглой, до мурашек на спине, скрипит на одном гвозде повисшая доска на фронтоне. Страшновато еще потому, что в каменном подвале находился второй изотопный излучатель.

Именно здесь, в этом доме на берегу озера Большое Миассово, с 1956 года был центр биофизической станции Ильменского заповедника. Здесь была создана основная экспериментальная база для исследований по изучению поведения радиоактивных веществ в различных компонентах биосферы и оценке действия ионизирующих излучений на живые организмы и их сообщества. Биостанция входила в состав Института биологии Уральского филиала АН СССР в Свердловске (Екатеринбурге). Когда-то на берегах Миассово кипела жизнь, шла интересная и напряженная научная работа.

В шестидесятые годы ученые старались осмыслить последствия взрыва радиоактивных отходов на «Маяке». Взрыв оставил ядерный след от Кыштыма до Сибири. Жизнь требовала решения проблемы. И здесь, на берегу Миассово, познавались возможности реабилитации почвы, воды, растений, пораженных радиацией. Сюда отовсюду съезжалась масса людей науки. Одни слушали лекции или выступали сами, другие ставили опыты с радионуклидами...

Мы стоим у двери дома. Она заперта. На чердак, к слуховому окну, — аккуратная металлическая лестница. Наш провожатый ищет в карманах ключи. Их нет. Из-под очков он с выжиданием смотрит на нас, что скажем. Не откажемся ли мы, почувствовав вдруг приступ радиофобии, от затеи заглянуть в подвал, пройти по этажам некогда секретной лаборатории.

— Придется выставить раму в окне. Пройдем через подвал. — Оценил и подытожил он по поводу закрытой двери наши сожаления. Обходя особняк, идем следом.

— Мне было лет восемнадцать, когда я познакомился с Тимофеевым-Ресовским. Он был завлабом, а я простым разнорабочим. Вот эту каменную стенку хранилища выкладывал я. Она почти два метра толщиной. — Лесничий остановился у толстой березы, что верхушкой кроны сравнялась с крышей дома.

Семя ее, наверное, еще в те годы упало в трещинку, зацепилось, дало росток, и вот уже мощные корни раздвинули камни стены, что когда-то надежно бронировала радиоактивные материалы.

Чрез оконный проем пробрались внутрь полуподвального этажа.

— Вот дверь в хранилище, где были радиоактивные препараты. — Ему все тут знакомо до мелочей. — А здесь жили подопытные животные. И эту стенку с амбразурой тоже я выкладывал из камней. Сюда ставили изотопный излучатель и воздействовали изотопами на растения. Ученые облучали гамма-лучами дрозофил и изучали зависимость частоты мутаций от дозы облучения. Затем вычисляли минимальный объем в клетке, повреждение которого приводит к мутации.

Кажется, что время здесь тоже получило свою порцию изотопов и замедлило бег. До сих пор в помещении сохранились остатки оборудования, не сняты провода и распределительные щиты, в застекленных стеллажах лабораторная химическая посуда — разные баночки-скляночки, от шкафов — коробка вентиляции. И все это с тех секретных времен. До конца 80-х пылились в подсобке документы, журналы работ.

Все эти подробности первого моего посещения биофизической станции на берегу заповедного озера Большое Миассово вспомнились, когда я, договорившись о встрече, поднимался по этажам в квартиру Петра Тимофеевича Тимонова. Он не один десяток лет проработал в Ильменском заповеднике и в тот день поздней осени был нашим экскурсоводом и провожатым. Встретившись с ним вновь, хотелось многое обновить в памяти, дополнить и, как говорят, из первых уст услышать о русском ученом, основателе научной школы по генетике, радиобиологии, радиоэкологии, эволюции и учению о биосфере Николае Владимировиче Тимофееве-Ресовском.

Тут надо сказать, что Петр Тимофеевич знает Ильменский заповедник буквально с пеленок. Отец его работал в лесном отделе пожарным, в свободные от дежурств дни без дела не сидел. То помогал в лесу расчищать геологические копи, то заготавливал дрова или припасал на зиму сено.

— Семья у отца была из восьми человек. — Вспоминает мой собеседник. — Мне было четыре года, когда осенью сорок первого он ушел на фронт. А уже в марте сорок второго погиб от пули снайпера. Отца плохо помню. В тот же год нашу семью перевели на Миассово, где было подсобное хозяйство заповедника. Прожили там до сорок девятого. Потом подсобное закрыли, и мы вернулись в поселок на торфяник. Сам работать начал с одиннадцати лет. В заповеднике были лесные маршруты, показывал копи, водил экскурсии по музею, был на различных подсобных работах.

В биографии Петра Тимофеевича есть страничка освоения целинных земель, потом автозавод и снова заповедник. В пятьдесят шестом году на берегу Большого Миассово уже заканчивалось строительство щитовых домиков для сотрудников биофизической лаборатории. Там он с бригадой отделочников готовил жилье для будущих сотрудников биофизической станции.

— В Миассово я бывал только летом. — Петр Тимофеевич листает семейный альбом. — Зимой всего раз был на биостанции. Вместе с членами драмкружка на праздник постановку, уж не помню какую, приготовили. Вот взгляни на фотографию. Тут я с бородой из кудели.

— А с Тимофеевым-Ресовским часто приходилось общаться? Что запомнилось?

Петр Тимофеевич снял очки и с прищуром смотрит в окно. Словно пытается через горы заглянуть в те далекие годы. Там, за Ильменским хребтом, озеро Большое Миассово. Там еще и два десятка лет его работы лесничим после горячего стажа в литейке автозавода.

— Что запомнилось?... Первое, что в отличие от нас Николай Владимирович всюду ходил босиком. Несмотря на свой возраст, ходил много и очень быстро, а в свой кабинет он взлетал по крутой лестнице так, что я, совсем тогда молодой, только удивлялся. На вид был крепкий и здоровый мужик. В общении был чрезвычайно прост со всеми. Первый раз, когда заговорил со мной, показалось, что знакомы мы всю жизнь и чуть ли не росли вместе. До того, как сейчас говорят, был он коммуникабелен. А памятью обладал преотменной. С первого раза и надолго запоминал даже башкирские имена. В работе с радиоизотопами бывал очень строг: если нарушали технику безопасности, нещадно ругался, а порой и выгонял в два счета.

Был случай, когда парочка студентов разбила емкость с радиоактивным содержимым, бросили все, наследили и убежали. Их догнали уже на станции, вернули.

— И что? Заставили ноги мыть?

— В общем-то да, провели им дезактивацию, а потом они получили хороший нагоняй от завлаба, и больше их на биостанции никто не видел. Но после этого случая пришлось все отмывать, местами даже вырубать пол и все захоранивать. При разгрузке изотопов Николай Владимирович сам стоял с секундомером и каждые 3 минуты заставлял рабочих меняться. Научные сотрудники биостанции специально для нас читали лекции о вреде радиоактивного излучения. Объясняя порой по несколько раз, почему следует четко исполнять правила

обращения с облученными растениями и самими изотопами. Среди подсобных рабочих один человек с предубеждением относился к запретам. Но время показало, насколько верны были доводы ученых.

Продолжение в следующем номере.